
DOI 10.5281/zenodo.10776898

УДК 340.15

Упоров И.В.

Упоров Иван Владимирович, д.и.н., к.ю.н., профессор, Краснодарский университет МВД России, Россия, 350005, г. Краснодар, ул. Ярославского, 128. E-mail: uporov@list.ru.

Нормы свода законов (1832 год) о некоторых следственных действиях по уголовным делам

Аннотация. После издания Свода законов Российской империи в 1832 г. российское законодательство приобрело системный вид. Это относилось и к уголовно-процессуальным отношениям – в Своде законов Российской Империи регулировались, и довольно подробно, следственные действия по уголовным делам. В статье более подробно исследуются два следственные действия («обыски» двух видов). Отмечается, что законодатель предписывал протоколирование следственных действий, в деталях описывая различные их аспекты. «Повальный обыск» как самостоятельное следственное действие прекратил свое действие в рамках следственной и судебной реформ с середины XIX в., а «обыск в домах», проводимый на основании уголовно-процессуального закона, по-прежнему применяется при расследовании уголовных дел.

Ключевые слова: законодательство, следственные действия, свод законов, обыск, показания, уголовный процесс.

Uporov I. V.

Uporov Ivan Vladimirovich, Doctor of History, Candidate of Law, Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Russia, 350005, Krasnodar, st. Yaroslavsky, 128. E-mail: uporov@list.ru.

Code of laws (1832) concerning some investigative actions on criminal cases

Abstract. After the publication of the Code of Laws of the Russian Empire in 1832, Russian legislation acquired a systematic form. This also applied to criminal procedural relations - the Code of Laws of the Republic of Ingushetia regulated, and in some detail, investigative actions in criminal cases. The article examines in more detail two investigative actions (“searches” of two types). It is noted that the legislator prescribed the recording of investigative actions, describing in detail their various aspects. The “house search” as an independent investigative action ceased to operate within the framework of investigative and judicial reforms from the middle of the 19th century, and the “house search”, carried out on the basis of the criminal procedural law, is still used in the investigation of criminal cases.

Key words: legislation, investigative actions, code of laws, search, testimony, criminal process.

Одним из видов уголовно-процессуального действия, характерных для предварительного следствия первой половины XIX в., являлся «повальный обыск». Следует сразу же заметить, что это следственное действие было известно еще в Древнерусском государстве, в частности, о нем упоминается в Русской Правде и последующем уголовно-процессуальном российском законодательстве, в том числе в Соборном уложении 1649 г., где этому институту было уделено достаточно много внимания. В последующих актах также находили отражение различные вопросы повального обыска. Согласно указу от 31 марта 1766 г., подтвержденного указом от 12 октября 1811 г., «производящие повальный обыск ни под каким видом не должны давать обыскным людям образцов, как им делать свои показания. Нарушители сего и умышленные неисполнители инструкции, какая кому дана будет, подвергаются жестокому наказанию; в случае неумышленного нарушения, - взысканию убытков, какие о того последовать могут» [1].

В 1817 г. Сенатом был издан указ [2, с. 42], в котором содержались некоторые инструктивные положения в части проведения повального обыска. Указывалось, в частности, что «при обысках вопрошать каждое лицо порознь, какого бы оно звания ни было; обыски (обыскные речи) писать при них самих, а не заочно. При сем следователи обязаны убеждать, чтобы обыскные показывали истину, ничего не страшась и никому не потворствуя, под страхом в противном случае взыскания; под таковым же страхом должны хранить истину и сами следователи, о чем и в инструкциях (наказных памятях) им подтверждать» [1, с. 95]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что указанная в скобках ремарка - «обыскные речи» - наглядно отражает суть повального обыска как дознавательно-следственного действия, то есть не обыск в современном понимании этого слова, а опрос возможных ближайших

свидетелей по горячим следам после совершения преступления об обстоятельствах данного преступления с элементами допроса. Так, в более раннем указе (1799 г.) предписывалось, что «следователи, вопрошая каждого обыскного порознь, обязаны заставлять каждого к показанию своему прикладывать руку. Показания целых семейств, или большего числа обыскных в совокупности не писать, и не дозволять прикладывать руку к порожним столбцам, во избежание могущих от сего быть подлогов; за нарушение сего следователи подвергаются строжайшему взысканию» [3, с. 96]. Как видно, речь идет не просто об опросе возможных свидетелей, а об опросе с последующим письменным протоколом, что уже является характеристикой формального следствия, если иметь в виду терминологию того времени.

Эту особенность отмечает и Я.И. Баршев, который писал о том, что «повальный обыск состоит в допросе окольных жителей, о таком обстоятельстве в деле, которое может быть известно всем, или многим жителям какого-либо места, как-то о поведении подсудимого. Он бывает или малый, когда допрашиваются ближние окольные люди, или большой, когда допрашиваются не одни ближние, но и дальние окольные люди» [3, с. 57]. При таком обыске допрашивались только «достоверные» люди. Соответственно устранялись от него: безумные и сумасшедшие, глухонемые и малолетние ниже 15 лет, дети против родителей, крепостные люди, отпущенные на волю, по делам их помещиков, и находящиеся у кого-либо в услужении по делам тех, у коих они находятся на службе, также люди, знающие о чем-либо понаслышке (ст. 981-984 Книги второй т. 15 Свода законов Российской империи 1832 г. [4]).

Если иметь в виду основные требования, которые Свод законов, обобщив предшествующие уголовно-процессуальные нормы, предъявлял к проведению повального обыска, то основные из них были следующими. Обыс-

квиваемые люди всегда должны были допрашиваться на месте их жительства (ст. 985), но при этом «должно по возможности предупреждать, чтобы не находились на месте обыска сами обвиняемые или те люди, которые заведывают их делами» (ст. 987). Далее указывалось, что обвиняемый не может предъявить против обыскных людей никакого отвода (ст. 984); вместе с тем в малом повальном обыске «он может, предъявив о недружбе тех окольных людей, требовать учинения большого повального обыска (ст. 988). Священнослужители и монашествующие допрашиваются по священству и по иноческому обещанию, а прочие по предварительном увещании по Евангельской заповеди (ст. 986).

Обвиняемому при этом предоставлялись следующие права: «а) ежели опороченный большей половиной обыскных людей будет представлять, что большая половина учинила лживое показание, а меньшая сказала правду, то надлежит взять из обеих половин лучших из ста двух, где же менее ста, по одному из каждой сотни, и поставив их с очей на очи, исследовать, чье показание справедливо» [4] (ст. 991). Обвиняемому предоставлялось также опровергать показания обыскных людей предъявлением явных улик несправедливости их показаний. Для исследования этих улик «должно ставить обвиняемого с очей на очи с обыскными людьми» [4] (ст. 992).

Обыскным людям не ставилось в вину, если кто-либо из них не учинит показания по причине неведения дела; за несправедливый же отзыв о неведении, разноречие об одном и том же предмете, лживое показание и слушание в учинении ответов на сделанные вопросы, они подлежали, сверх наказания, взысканию всех причиненных через это убытков (ст. 993). В дальнейшем, однако, такое дознавательно-следственное действие было с силу его сложности и большого объема работы разбито на первоначальные розыскные действия, когда протоколы были необязательными, и собственно следственные действия, которые осуществля-

лись после возбуждения уголовного дела, и в этом случае с теми же лицами, которые опрашивались на стадии розыска, при необходимости проводились допросы с письменными протоколами. Повальный обыск был характерен для розыскного процесса [5, с. 59].

Помимо «повального обыска» законодатель в Своде законов предусматривал и привычный в уголовном процессе обыск, который регулировался в тесной связке с таким следственным действием, как «выемка», при этом неизменно добавлялось, что речь идет об обыске в «домах». В литературе того времени указывалось, что обыск может быть: 1) общий, который простирается вообще на все дома, заключающиеся в известном каком-либо околотке, или 2) частный, простирающийся на известный дом или дома. Первый, если только он представляет в себе вероятное средство к отысканию обвиняемого, не подлежит уже никакому сомнению, так как в нем нет ничего обидного для того или другого дома. Относительно приведения его в исполнение требуется только, чтобы он был производим с «возможной осторожностью и пощадой» для жителей обыскиваемого околотка. Что касается до частного обыска того, или другого, или некоторых домов, то потому что это средство следить преступника нарушает домашнее спокойствие, вводит целый дом в подозрение и близко касается чести его владельца и его жителей, очевидно, что он должен быть употребляем с большой осторожностью и только в случаях необходимо требующих сего, то есть, когда на хозяина или жителей его падает сильное подозрение, или когда весьма вероятно, что здесь скрывается преследуемый преступник [3, с. 68].

Если вести речь и процедуре проведения обыска дома, то необходимо было соблюдать следующее основное правило: поскольку та цель, для которой производится обыск, может быть достигнута только посредством предварительной неизвестности его и особенного искусства, проворства и замечательности следствия, то домашний обыск должен быть произ-

водим неожиданно, со всей внимательностью и наблюдением над действиями лиц, живущих обыскиваемом доме. Поэтому благоразумно при домашнем обыске требовать присутствия хозяина дома и жителей его [3, с. 68]. Здесь так же, как и применительно к рассмотренным выше следственным действиям, нельзя не отметить криминалистической прозорливости Я.И. Баршева - предлагаемые им методы проведения следственных действий во многом актуальны до сих пор.

Законодатель в Своде законов предписывает обыск и выемки в домах как средство для обнаружения преступника или для обнаружения предметов преступления. В нормах Книги второй т. 15 Свода законов определяются условия выемки или обыска. В частности, «ежели местное начальство будет иметь в виду основательное подозрение, или получит ясные доказательства, что в чьем-либо доме скрываются преступники или поличное, то в таком случае должно отрядить к означенному дому для обыска и выемки вместе с доносителем, надежного чиновника с надлежащей командой, снабдив его письменным приказом. Но от обыска изъеются квартиры и дома иностранных министров, в коих обыски и выемки производятся не иначе, как по предварительному сношению с Министерством иностранных дел» [4] (ст. 838 с Продолжением 1832-1839 гг.).

Здесь заслуживает внимания то обстоятельство, что уже тогда процессуальное действие в виде обыска (выемки) могло осуществляться только на основании специальных письменных предписаний (в дальнейшем они будут именоваться постановлениями, ордерами). При производстве обыска: «выемщик, прибыв на место, обязывается взять из окольных жителей приличное число понятых, войти с ними в дом и обыскать его; при обыске он имеет право отмыкать запертое, когда дом пустой или хозяин не учинит того добровольно; при обыске выемщики не должны чинить никому убытков,

обид и озлобления и не нарушать общей тишины и спокойствия» [4] (ст. 839, 842).

Далее указывались последствия обыска и регулировалась ответственность за нарушения при его проведении: «нашед поличное или ополченного, выемщик должен доставить первое и последнего в суд; если поличного при обыске не откроется, то с доносителя взыскиваются все последовавшие от того убытки и сверх того за напрасный обыск в дворянском доме, в пользу хозяина его, бесчестие и пеня вдвое против объявления. Эти взыскания падают вместе и на присутственное место, когда оно назначит обыск без основательного подозрения. В этом случае убытки взыскиваются с присутствующих того места и с доносителя совокупно; бесчестие же, с одних присутствующих, которые, по мере их вины, подвергаются еще особому взысканию, а пеня с доносителя» [4] (ст. 844, 889). В ст. 845 Свода законов указывалось, что «когда будут в виду уважительные доказательства и подозрения, то присутственное место подлежит ответственности, ежели не велит произвести обыск; за отказ в обыске из понаровки, или предуведомление об обыске того, у кого назначается он, виновные подлежат двойному взысканию причиненных через то убытков и отрешению от должности с тем, чтобы их впредь никуда не определять и не допускать к выборам» [4]. Как видно, законодатель предусматривал довольно жесткую ответственность за нарушения процедурных правил производства обыска (выемки), охраняя прежде всего частную жизнь жителей дома, подлежащего обыску [6, с. 142]. Вместе с тем законодатель тогда не разделял обыск и выемку в качестве самостоятельных следственных действий, что можно объяснить недостаточным уровнем развития на тот момент времени как теории уголовного процесса, так и соответствующей законодательной практики.

В дальнейшем повальный обыск, уже в рамках следственной и судебной реформ (со второй половины XIX в.), пере-

стал выделяться в качестве самостоя- вательно-следственных действиях.
тельного, растворившись в других дозна-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Систематическое изложение законов о производстве следствий по 1831 год / Сост. Н. Неклюдов. СПб.: Типогр.Сената, 1833.
2. Гогель С.К. Правительствующий сенат в XIX столетии. Компетенция. Делопроизводство. Уголовный процесс. Охранение прав личности. СПб. 1911.
3. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841.
4. Свод законов Российской империи (Свод законов уголовных. Кн.2 – О судопроизводстве по преступлениям). Т.15. СПб., 1832.
5. Шестакова С.Д. К вопросу об исторических формах уголовного процесса // Актуальные вопросы уголовного процесса. СПб., 1997. С. 57-61.
6. Чельцов-Бebutov М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Sistematischeskoe izlozhenie zakonov o proizvodstve sledstvij po 1831 god / Sost. N. Nekljudov. SPb.: Tipogr.Senata, 1833.
2. Gogel' S.K. Pravitel'stvujushhij senat v XIX stoletii. Kompetencija. Deloproizvodstvo. Ugolovnyj process. Ohranenie prav lichnosti. SPb. 1911.
3. Barshev Ja.I. Osnovaniya ugolovnogogo sudoproizvodstva s primeneniem k rossijskomu ugolovnomu sudoproizvodstvu. SPb., 1841.
4. Svod zakonov Rossijskoj imperii (Svod zakonov ugolovnyh. Kn.2 – O sudoproizvodstve po prestuplenijam). T.15. SPb., 1832.
5. Shestakova S.D. K voprosu ob istoricheskikh formah ugolovnogogo proces-sa // Aktual'nye voprosy ugolovnogogo processa. SPb., 1997. S. 57-61.
6. Chel'cov-Bebutov M.A. Kurs ugolovno-processual'nogo prava. Oчерki po istorii suda i ugolovnogogo processa v rabovladel'cheskih, feodal'nyh i burzhuaznyh gosudarstvah. SPb., 1995.